

Катя КАЧУР

12+

*Виньетка
тутового шелкопряда*

Катя Качур

Виньетка тутового шелкопряда

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Качур К.

Виньетка тутового шелкопряда / К. Качур — «ЛитРес:
Самиздат», 2021

Твое единственное желание – зажмурить глаза, но ты – уже свидетель убийства. Мечтаешь спокойно выращивать шелкопряда – но вынужден распутывать странное преступление. Доверяешь взрослым – но они не те, за кого себя выдают. Куда бежать, когда на дворе 1950-й, а ты – всего лишь третьеклассник ташкентской школы?

Содержание

Часть 1. Голова.	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Катя Качур

Виньетка тутового шелкопряда

Часть 1. Голова.

Как только Аркашка продрался сквозь засаленные юбки молочниц и окровавленные штаны мясников, его пробил сильнейший озноб. В проеме двери рыночного туалета, во второй дырке от входа виднелась мертвая мужская голова с приоткрытым ртом и глазами, залепленными отвратительной коричневой жижей. Хозяин головы находился ниже уровня досок, на которые люди вставали ногами перед тем, как спустить штаны. Аркашка, покрываясь гусиной кожей, сделал еще несколько шагов, и оказался внутри общественной уборной. Теперь ему было видно лицо утопленника – оно скорбело, на залитых человеческими испражнениями губах застыла горькая усмешка. Ледяная игла пронзила Аркашкин позвоночник и вышла из затылка, притягивая к себе волосы. Кто-то толкнул его в спину, и он упал на колени, оказавшись нос к носу со зловонным покойником. Аркашка попытался вскочить на ноги, но его тело будто парализовало. Он хотел зажмуриться, но глаза предательски уставились на прилипшие ко лбу мертвеца волосы и желтые зубы, обнаженные в левом углу рта. Сзади Аркашку схватили за резинку на штанах и выволокли на улицу, пинком под зад придав направление его полету. Ударившись головой о лоток с арбузами, он очнулся, и звенящую тишину его собственного ужаса, наконец, прорвали крики толпы. Женщины выли, мужчины о чем-то громко спорили.

– Ну что, видел жмурика в говне? – к Аркашке подскочил одноклассник Левка Фегин.

Он попытался ответить, но тугая волна подступила к горлу и выплеснулась наружу маминим форшмаком. Левка Фегин ловко отскочил, замарав только носок жеваного ботинка.

Вечером у Аркашки поднялась температура. Бывший полевой врач дядя Додик – сосед по маленькой четырехкомнатной квартире в кирпичном доме на улице Полторацкого – прохладной сухой ладонью убрал со лба мальчика вспотевшие волосы и, обернувшись к матери, грустно произнес:

– В этом мире нельзя быть таким впечатлительным, Бэлла.

Аркашка был впечатлительным. Он знал за собой этот грех, и ничего не мог с ним поделать. Под лысой головой с огромными ушами, растущими строго перпендикулярно его черепу, скрывался могучий на выдумки мозг. Он домысливал едва увиденное и услышанное до мельчайших деталей: будь то рассказ болтуна Левки Фегина или математическая формула, выведенная на доске Людмилой Ивановной.

– Величайшего ума мальчик, – говорила Людмила Ивановна матери, навещая Аркашку в момент острой пневмонии, – только болеет часто. Скажите спасибо, что в век пенициллина живем – иначе бы труба! И будьте уверены, – она понижала голос до шепота, – он будет в правительстве сидеть!

Бэлла Абрамовна вздыхала, а у Аркашки перед глазами вставали плакаты членов политбюро во главе со Сталиным, которыми были увешаны стены его ташкентской школы и расцвечены первые страницы учебников. Он буквально наяву видел, как Левка Фегин открывает литературу за 3 класс и с тыльной стороны обложки между Молотовым и Ворошиловым обнаруживает его, Аркашкино, ушастро-лысое лицо.

– А ты говорил, в ЦК – специально сделанные люди, – подденет Леночка из соседней девчачьей школы, – а вот он, Аркашка, сидел во дворе с нами, а теперь сидит там, – и возденет глаза к небесам, закатывая зрачки и являя миру тыльную сторону своего белейшего ока с сеточкой розовых сосудов.

Левка фыркнет, обмакнет перо в чернила и начнет с усилием рисовать на Аркашкином лице очки, бороду и рога.

В этот момент Аркашка ежился и ощущал, как кожу на лбу и возле носа царапает раздвоенное перо, а чернила противно въедаются в поры. К вечеру на его лице возникала красная сыпь, по форме напоминавшая очки.

На этот раз Аркашку трясло. Он представлял, как тонет и захлебывается в гуще испражнений, отплеываясь и глотая отвратительную фекальную массу, которая наполняла желудок и легкие, как бочковое пиво папину военную флягу. Мама готовила что-то вкусное на керогазе. В комнату, постучав, попытался войти Гриша – красивый, статный мужчина, служивший, как и отец, военпредом на авиационном заводе. Он открыл дверь и споткнулся о раскладушку, на которой разметался Аркашка, перегораживая вход. Обычно раскладушку ставили поздно вечером, когда все ложились спать, и убрали с подъемом. И лишь во времена Аркашкиных болезней ее не складывали даже днем.

– Бэлочка, насыпь соли жмень, – обратился Гриша к матери, перешагивая через Аркашкино ложе, – а ты что, малой, опять киснешь? – подмигнул он пацану.

– Дядя Гриш, посиди со мной, – хриплым голосом попросил Аркашка, – мне страшно.

– Чего? – присвистнул Гриша.

– А ну, всех начнут в туалетах топить? – Аркашка натянул одеяло до уровня глаз.

– О, началось! Тебя точно не утопят.

– Почему?

– Ты же отличник, октябренок, пионером вот-вот станешь, тебя-то за что?

– А его за что?

– Наверное, плохо учился, выгнали из комсомола, – предположил Гриша.

– Гриня, а, правда, что слышно? – переспросила мать, протягивая ему соль в бумажном кульке.

– А я знаю? Поди, шобола бандитская порешила, перебежал дорожку кому-нибудь. Ранение у него ножевое в боку оказалось.

– Личность-то опознали?

– Да, отмыли, десять ведер воды вылили, старлей из районной милиции, вроде, опознал – вор он, проходил по краже в доме Харузовых как соучастник, да не хватило улик, чтобы посадить.

Гриша подмигнул Аркашке, и вышел в коридор, неровно стуча сапогами – осколки немецкого снаряда, раскроившие бедро, сделали его походку неустойчиво-раскосой.

За стеной послышалось гортанное пение и смех – проснулась сумасшедшая Лида. Через десять минут из щелей потянуло чем-то горелым.

– О! Мишигине¹ снова кашу сожгла, – вздохнула мать, – придет тот день, когда она нас всех спалит, попомни мое слово!

У матери Лида всякий раз вызывала брезгливый страх: своим горящим безумным взглядом, рыхлым бесформенным телом, абсолютно белой прозрачной кожей и полным отсутствием бровей, да и вообще любой растительности на теле. Кроме светло-пшеничной косы и белесых ресниц, у нее не было ни одного волоска ни на руках, ни на ногах. Из-за этого Лида казалась чем-то средним между ангелом и лягушкой-альбиносом. Всем недовольным Лида совала в нос потрепанную бумажку, где неразборчивым почерком на латыни было что-то написано, и стояла фиолетовая печать. По факту это означало, что она официально признана дурой, и может делать все, что ей заблагорассудится. Сколько Лиде лет – не знал никто. Предполагали, от восемнадцати до сорока. Раньше за ней ухаживала родная тетка, кормила, одевала, водила за руку по улицам, заходила в лавки и на рынок. Лида всегда смеялась, как лошадь, задирая верхнюю губу и обнажая красивые перламутровые зубы, она любила внимание, и чем больше в нее тыкали пальцем, тем громче был ее смех. Впрочем, вскоре к Лиде привыкли. Женщины на рынке часто совали ей в карман фартука конфеты, изюм, яблоки. Пацаны – какашки, камни и жуков. Лида была одинаково рада и тому, и другому. Мужики не упускали возможности ущипнуть ее за дебелий зад и пухлые, болтающиеся под цветастым ситцем груди. Ее безумие

¹ Мишигине – сумасшедшая (идиш)

их возбуждало. Нередко, в байках между собой, они имели Лиду и так и эдак, но дальше слов не заходило – родственница охраняла ее как сторожевая собака. Умерла тетка в одночасье. Лида осталась одна, шефство над ней неформально взяли соседи по квартире – жильцы четырех комнат, среди которых были Аркашкины родители, Гриша, и врач дядя Додик. Ее перестали выпускать на улицу, покупали продукты на государственное пособие, и с каждого обеда оставляли куски – то пирог, то рыбу, то плов, то кашу. И Лида, всякий раз подогревая еду на примусе, наполняла двор запахом гари.

– Ма, можно я к Лидке пойду червей кормить? – оживился Аркашка, учуяв знакомую вонь, – мне уже лучше!

– Что у вас общего с этой мишигинской женщиной, не могу взять в толк, – проворчала мать, – иди, только раскладушку сложи с прохода, пока мы все тут ноги не переломали... И сними с примуса ее кастрюлю, если она еще жива...

Уже через пять минут Аркашка был во дворе своей школы под тутовниками, высаженными в ряд по периметру забора. Подпрыгнув, он подцепил нижнюю ветку и начал обрывать листья, погружая их в край рубашки, завернутой на животе. К Лиде прибежал вспотевшим, радостным, забывшим про голову и кошмарные ночные видения.

– Аргаша пришел..., – заулыбалась рыхлая Лида, впуская соседа в комнату, – ягоды принес?

– Лид, ягоды в августе закончились, каждый раз тебе говорю, – Аркашка деловито прошел в угол, где на сундуке стояли три коробки из-под обуви, в которых на зеленой подстилке из листьев разной свежести копошились серовато-блестящие червяки тутового шелкопряда. Они с Лидой сели на пол, Аркашка аккуратно разложил по коробкам сорванные листья.

– Уууу, мои кецель², – засмеялась Лида, вороша червяков белыми пальцами с розовыми прозрачными ногтями. Одного из них, самого жирного с серыми бородавками на тельце, она поднесла к пухлым губам.

– Глааденький, нееежный такой! – и протянула его Аркашке.

Он аккуратно двумя пальцами принял шелкопряда из ее рук и тоже поднес к губам.

– Ага, пахнет шелковицей! – блаженно произнес Аркашка, – назовем его Мусей.

– Муузьяа! – попробовала на вкус это имя Лида и снова задрала верхнюю губу в лошадином смехе.

Мусю опустили на свежий лист, он деловито прикрепился задним своим концом к поверхности и изогнулся подковой.

– Сейчас начнется, – произнес Аркашка, и они замерли, словно перед титрами трофейного фильма в городском кинотеатре.

Шелкопряд вгрызся в край листа и методично, с точностью ювелира, начал обкусывать зеленую плоть, оставляя за собой волнистую дугообразную линию.

– Кушает, – с замиранием сердца произнесла Лида.

– Хрумкает, – подтвердил Аркашка.

Они соединились лбами над коробкой шелкопрядов, и Аркашке в нос ударил Лидкин запах – странный, чуть сладкий, чуть соленый, животный, не приятный, но и не противный. Запах исходил от ее груди, подмышек и вечно влажных кипенно-белых ладошек. Они уже два года вместе выращивали шелкопрядов, наблюдали, сидя голова к голове, весь цикл их земного существования, и когда червяки, впад в нирвану, наматывали вокруг себя космический кокон, относили их на фабрику и получали вознаграждение. Как эти деньги делились между Лидкой и мамой, Аркашка наверняка не знал. Возможно, мама брала их себе и покупала Мишигине новое платье или кастрюлю, потому что Лидка точно бы постирала их в тазу или отдала в окно подросткам за кружку пива. В любом случае, поход на фабрику был для нее событием,

² Кецелы – котятки, хорошенькие (идиш)

и она долго потом вспоминала и рассказывала всем, как «вот этими ручками заработала себе копеечку».

– Скоро оденутся мои хорошие в белые одежды, получим денежку, куплю себе новое платье и выйду замуж за принца! – размечталась Лидка.

– А принц-то есть у тебя? – спросил Аркашка.

– Есть. Он мне колечко подарит, на море увезет. И убьет драгона.

– Сама придумала?

– Он сказал. Он умный. Добрый. Я верю ему.

– Когда же ты с ним познакомишься успела?

– Не разгажешь никому?

– Зуб даю. Никто ничего не узнает, – Аркашка нетерпеливо дернул Лиду за юбку.

– Он ходит ко мне в окно ночью, – прошептала она на ухо, – и носит мороженое. Он любит меня.

Аркашка замер на месте. Он сидел некоторое время, пытаясь понять, зачем ему эта информация, и как на нее реагировать. Тишина вокруг была такой всеобъемлющей, что слышалось, как Муся и ему подобные поглощают листья тутовника.

– Я пойду, – не выдержав погружения в тайну, произнес Аркашка, – мама сказала, надо выключить примус, кастрюля горит.

Во дворе, образовав большой неровный круг, уже собрались пацаны всех возрастов и мастей. Увидев их, Аркашка моментально забыл, о чем говорила ему Лида.

– Давай в ляngu³, второй тур уже! – крикнул ему маленький коротконогий Мишка, – по копейке сегодня!

В середине круга восьмиклассник Леха Палый подбрасывал внутренней стороны стопы шерстяной диск с утяжелителем под ровный счет ребятни: двадцать три – двадцать четыре – двадцать пять...

Аркашка машинально запустил руку в карман брюк, подхваченных веревкой, и нащупал там три копеечных монетки, перемешанных с горстью семечек. В кармане холщовой куртки всегда лежала наготове его гордость – лянга из кожи лисицы с длинным рыжим мехом, которая планировала в воздухе как парашют и вызывала зависть у всего двора. Аркашка лично пришивал островок лисьей кожи, привезенный ему дядей Додиком, к трехсантиметровой свинцовой пуговице. Свинец они с Левкой Фегиным нарезали с кабеля, украденного и спрятанного старшими ребятами в яме под забором. Даже у дворового авторитета Лехи Палого не было такой шикарной лянки. Его собственная – из шерсти верблюда – смотрелась рядом с Аркашкиной лисьей как вышедший на волю рваный зек в сравнении с женой зажиточного мясника.

– Давай, Умник, люры⁴ пошли, не подведи! – крикнул маленький Мишка.

Аркашка, слывший во дворе «Умником», вышел на середину круга, подкинул ляngu и в прыжке из-под бедра начал отбивать ее тыльной стороной ноги. Паря в воздухе, словно семя одуванчика, меховая шайба всякий раз приземлялась точно на Аркашкину прыткую лодыжку.

– Скачет как обезьянка, – сплюнул Леха Палый, – умный, а верткий!

В толпе показалась веснушчатая морда Левки Фегина. Он при хрупком телосложении не обладал прыгучестью и меткостью, а потому всегда появлялся к концу игры и драл горло за победителя.

– Ар-ка-ша, Ар-ка-ша, – скандировал Левка под общий вой и улюлюканье, пока его друг отдувался в кругу на тридцать шестом прыжке.

Мокрый Аркашка получил свои три копейки и отошел в сторонку, ведомый под локоть Левкой Фегиным.

³ Лянга – игра с использованием «лянки» – волана из шерсти на свинцовой пуговице.

⁴ Люра – один из способов удара по лянке.

– Завтра утопленника хоронят в десять, – сообщил Фегин.

Казалось, все информационные потоки Ташкента имели точку пересечения в Левкиной голове. Он с точностью, которой позавидовал бы милицейский оперштаб, знал, где, что и во сколько.

– А школа? – Аркашка манжетой рубашки вытирал струйки пота на лбу.

– Уйдем на второй перемене, пропустим русский, потом вернемся.

– Русичка маме нажалуется.

– Скажем, что у тебя заболел живот, а я тебя до дома провожал. А потом разболел, и мы обратно пришли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.